

ПЁТР БИЦИЛЛИ В ФИЛОСОФСКОМ «РАЗГОВОРЕ» РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

РАТУШИНА Дарья Владимировна – аспирант кафедры философии.

E-mail: ratynchik@yandex.ru

Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия

Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 88

***Аннотация.** Статья является реконструкцией философского «разговора» мыслителей русского зарубежья о культуре и нации. Активным участником этого «разговора» был историк, философ, литературный критик Пётр Михайлович Бицилли (1879–1953). Его стиль мышления, особый исторический метод проникновения в исследуемую реальность не потеряли актуальности и сегодня.*

***Ключевые слова:** русское зарубежье, П.М. Бицилли, философская полемика, «разговор», философия русского зарубежья, «Современные записки»*

***Для цитирования:** Ратушина Д.В. Пётр Бицилли в философском «разговоре» русского зарубежья // Высшее образование в России. 2018. № 2 (220). С. 130-137.*

Идейное наследие Петра Михайловича Бицилли представляет собой ценность и для наших современников. Прежде всего потому, что, как отмечают исследователи, принадлежность этого историка, философа, литературного критика русского зарубежья «сразу четырём университетским традициям – российской, украинской, сербско-хорватско-словенской и болгарской – делает его фигуру крайне важной в плане изучения трансляции гуманитарного знания через национальные и академические границы»¹. Как удавалось Бицилли балансировать на границах культур и традиций, сохраняя при этом достоинство интеллектуала? Забегая вперед, скажем, что основанием его интеллектуальной стойкости было, на наш взгляд, широкое гуманитарное образование, полученное в России. Начало его жизненного пути практически ничем не отличается от пути других русских мыслителей того времени: универ-

ситет, участие в политической деятельности, исключение, восстановление, блестящее завершение обучения с последующей подготовкой к профессорскому званию, командировки в европейские университеты, защита диссертации. А дальше, как известно ... «прерванный полёт».

М. Васильева, автор вступительной статьи и составитель книги П.М. Бицилли «Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии», отмечает: «После окончания классической гимназии (1899) он поступил на историко-филологический факультет (историческое отделение) Новороссийского университета. В 1904 году, будучи студентом, за участие в политических студенческих волнениях был временно исключён из университета и, отбыв воинскую повинность в Одесской инженерной дистанции, вышел в запас в чине унтер-офицера и в том же году закончил университет. Через год как стипендиата молодого учёного оставляют для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре всеобщей истории. Он ездит в научные командировки – работает в архивах и би-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-33-01039 «Экзистенциальный выбор как основание историзма (исследовательские опыты по культурно-исторической эпистемологии)».

¹ См.: <http://savedarchives.net/>

библиотеках Франции, Германии, Италии. В 1910 году Бицилли сдает магистерский экзамен и через год избирается приват-доцентом по кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете и одновременно преподавателем той же дисциплины на Одесских высших женских курсах. В 1912 году в Одессе публикуются его первые научные работы: “К вопросу об источниках *Athenaeon politea*” и “Тацит и римский империализм”, а в 1914 году выходит “Западное влияние на Руси и начальная летопись”. Эти работы сразу обнаруживают глубокие познания автора в филологии, истории, философии культуры. В этом же году публикуется магистерская диссертация “Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века” (отд. изд. — Одесса: Техник, 1916), а в 1917 проходит её защита в Петроградском университете» [1, с. 5–6].

В 1920 году П.М. Бицилли бежал с семьей из Одессы в Югославию. Попад в провинциальный город Скопье (сейчас столица Республики Македония), он получил должность доцента, но филиал университета был новым, там не было даже библиотеки, что затрудняло хоть какие-то серьезные научные изыскания. В письме к академику Н.П. Кондакову² он писал, что согласен на работу учителя русского, французского языка или латыни, но только в интеллектуальном центре, где есть книги и библиотеки [2, с. 663]. Тем не менее даже в таких сложных для работы условиях П.М. Бицилли смог подготовить две работы [3; 4], одну из которых, а именно «Этюды о русской поэзии» высоко оценили находившиеся в эмиграции филологи Р.О. Якобсон, Д.П. Святополк-Мирский и др. [2, с. 633].

Переломный момент наступает в 1924 г. с переездом в Софию, которая стала одним из культурных центров русской эмиграции. Возможностей для реализации там было

гораздо больше, чем в Скопье. На первый взгляд, такой сугубо «житейский» момент, как переезд в более комфортный город, не мог повлиять на философские установки, но с П.М. Бицилли произошло именно так.

Еще до эмиграции, в 1910-х годах, получив фундаментальное историческое образование, он занимался медиевистикой, а именно хроникой францисканца Салимбене Пармского, исследованием распространения духовности Св. Франциска Ассизского в Италии и учением аббата Иоахима Флорского. Но вектор интересов интеллектуальной эмиграции оказался направлен не в сторону романской медиевистики, а на размышления о природе «национального» и судьбе русской культуры. Уже в Скопье П.М. Бицилли понимает: чтобы не выпасть из диалога, не потерять голос (подобно тому как был, по сути, потерян его объект исследования — из-за отсутствия библиотеки и, конечно, доступа к хранилищам и рукописям), нужно найти другую точку опоры. В несколько схожей ситуации оказался и В.В. Вейдле, с которым велась литературная полемика. Для русских мыслителей, оказавшихся в эмиграции, возможность вести дискуссию или полемику в условиях географической раздробленности, чуждой культурной традиции, непримиримых политических разногласий и различных мировоззренческих установок стала жизненно необходимой. Возможность высказаться на волнующую тему, ответить на поставленные вопросы была не только актуализацией философской проблемы, но и формой самореализации.

Поэтому перед исследователем философии русского зарубежья встает задача реконструкции не только философского опыта и выбора мыслителей, но и экзистенциального выбора, который происходил иногда под давлением случая, но в целом был сознательным и целенаправленным. Такая позиция позволяет увидеть философию русского зарубежья не в застывшем и сформированном виде, а в её генезисе, а это, в свою очередь, снимает сложившиеся

² Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) — историк древнерусского и византийского искусства, создал иконографический метод исследования памятников искусства.

стереотипы и штампы с сознания исследователя, даёт возможность открывать новые «малые» факты и переосмысливать прежние «большие» факты. Именно такая исследовательская установка позволяет пересмотреть роль П.М. Бицилли в философском «разговоре» [5, с. 21–36] русского зарубежья и увидеть в нём не «маргинального» деятеля эмиграции, а ценного для нас собеседника, участника актуальных дискуссий о русской интеллектуальной культуре.

Возможность философского «разговора» не появилась сама собой с приездом русских мыслителей в Европу, она целеустремленно создавалась ими самими. Особую роль в этом сыграли эмигрантские журналы, которые не только взяли на себя функцию сохранения и передачи культурного наследия, но и стали пространством для интеллектуального общения, благодаря чему преодолевались государственные границы и территориальная разобщённость русской эмиграции. Периодическая печать, по сути, стала косвенной наследницей академической традиции, сложившейся в России. Ведь в самом зарубежье русская академическая жизнь создавалась заново, и функцию сохранения и передачи культурного наследия взяли на себя именно журналы. Они стали местом, где могли развиваться научная мысль и научное общение учёных. Так сложилось потому, что, с одной стороны, в созданных специально для русских студентов учебных институтах изучение фундаментальных гуманитарных наук (русской истории, литературы, культуры) оказалось прагматически бессмысленным, а с другой – преподавание в иностранных университетах для иностранных студентов споткнулось о различие культур.

Итак, мыслители зарубежья, имея общее начало – язык и культуру, близкие смыслы и ценности, смогли наладить интеллектуальный «разговор» друг с другом посредством журналов, и это создало одну из специфических черт философии русского зарубежья – её почти всеохватывающий публицистический характер. Разговор, полемика,

дискуссия позволили ей развиваться, дали ей множество новых имён, среди которых и имя П.М. Бицилли.

Так как журналы стали платформой философского общения, то формой общения стали статьи и рецензии. Не в монографиях, а именно в статьях мыслители отстаивали своё мнение, и иной раз это были не только логически выверенные тексты, но и различные эмоционально насыщенные аргументы, которые заостряли общение, возможно, даже ожесточали его, становясь, как следствие, полемикой. Дискуссий в философии русского зарубежья было множество, в нашей статье будут рассмотрены две из них, в которых принял активное участие П.М. Бицилли: о русской литературе и о проблеме национального. Именно в этих «разговорах» проявился полемический талант Бицилли-рецензента, обладавшего особым «методом» проникновения в глубины исследуемых сюжетов и авторского замысла. Как сочетался этот «метод» проникновения в культуру с его прежними историческими интересами? Окончательного и бесповоротного разрыва с медиевистикой не случилось. Доктрина Иоахима Флорского, получившая много откликов от русской общественности на рубеже XIX–XX вв. и мимо которой не смог пройти П.М. Бицилли (он написал по этой теме диссертацию, которую позже опубликовал), стала центральным стержнем его методологии. «Иоахимитский метод (*“doctrina abbatis Ioachim”*) состоял в том, чтобы отыскивать параллели между явлениями Нового времени и событиями Ветхозаветной истории, находить, так сказать, старых знакомых среди новых лиц. При этом разрешалось руководствоваться самыми отдалёнными аналогиями» [6, с. 47], то есть переносить феномены прошлого в настоящее и будущее, но не по содержанию, а по форме – заимствовать из чужих текстов слова, клише, формулы и одновременно проследить, как происходит отход от шаблонов и привнесение индивидуальности в текст. Именно опыт анализа последнего приблизил П.М. Бицилли к выво-

ду о необходимости индивидуализации всякого культурного феномена, способствовал его переходу от философии истории к философии культуры.

Уже упоминалось о таком жанре, как рецензия, и не случайно. Издавать монографии и находить материал для них было крайне трудно, а с учётом того, что научное сообщество в Болгарии было в разы меньше, чем в Германии, Франции и Праге, даже через знакомых достать необходимый материал было почти невозможно. И здесь как раз помогло рецензирование, а именно практика пересылки новых книг. Но не только это примечательно. П.М. Бицилли организовывал свои исследования по принципу развёртывания «от малого к большому», т.е. от заметки или рецензии к статье или серии статей, а затем и к книгам. Вынужденный поначалу писать рецензии по вынужденным обстоятельствам, потом он всецело погрузился в такой стиль работы. Для его творческого подхода был характерен стиль мышления, не конструирующий новые реальности, но исторический, т.е. реконструирующий, нацеленный на поиск. Он стремился проникнуть в смысл явления. Переход от философии истории к философии культуры был сознательным: первая имеет дело со всей историей человечества, целью второй является наивысшее проявление индивидуального, где яснее всего запечатлён «дух эпохи» [7, с. 13–14].

Первую статью о А.С. Пушкине Бицилли публикует в пражской «Русской мысли» в 1922 г. В этой работе он задаёт методы и цели ко всем дальнейшим своим исследованиям не только о Пушкине, но и Толстом, Чехове и других. Сотрудничество с «Современными записками» у Бицилли началось в 1925 г., но, увы, переписка с редакторами начинает датироваться годом позже. Можно предположить, что Бицилли лично познакомился с В.В. Рудневым осенью 1924 г. в Праге, где последний был по вопросам журнала [8, с. 170], а Петр Михайлович – на III съезде русских учёных за границей. Там же Бицилли знакомится с А.А. Бемом и многими другими

мыслителями-эмигрантами, благодаря которым начинается его активная академическая жизнь.

Дошедшая до нас переписка открывается письмом к М. Вишняку от 12 апреля 1926 г. П.М. Бицилли предлагает выслать «рецензию на отвратительную, но требующую оценки книгу Ермакова о психологии творчества Пушкина» и дополняет: «почему “требующую” – станет ясно из рецензии» [8, с. 501]. Через несколько месяцев рецензия публикуется [9]. А в следующем номере появляются ещё одна рецензия – на посмертную книгу М.О. Гершензона о Пушкине [10] и примыкающая к ней статья «Завет Пушкина» [11]. В первой из них Бицилли, прославившийся своим методом «микроскопических наблюдений», доказывает, что в шуточной пушкинской поэме «Граф Нулин» нет, говоря словами Гершензона, «целой философии истории». Там есть только шутка.

Другой интересный сюжет, который вдохновил Бицилли на исследование заимствований Пушкина, – незаконченная рукопись Гершензона «Плагаты Пушкина». Бицилли считает, что это «самый плодотворный, но и требующий величайшего такта, метод для определения природы и границ творческой индивидуальности Пушкина» [10, с. 487]. Гершензону удалось сделать всё, но, как подмечает Бицилли, объектом исследования М.О. Гершензона оказался сам Пушкин, его внутренний мир, а не произведение. Здесь следует отметить, что с самого начала П.М. Бицилли считал важным не биографическое прочтение творцов, а наблюдение за поэтическим языком произведения. В статье «Образ Совершенства» он через историю суждений о Пушкине выводит свою «короткую формулу», характеризующую поэта. Формулу, отличную от суждений типа «Писарев сказал, что он – ничто, нуль, пустое место, а Достоевский, что он всё, всечеловек, – едва ли не единственный во всей истории литературы» [12, с. 206], «такая всечеловечность стоит немногого и свидетельствовала бы о безличности» [12, с. 207]. Для Бицилли уни-

версализм Пушкина проявляется как раз в способности сплавить в единое целое разные мотивы, стили, которые не навязываются волею случая, а чётко соразмерны внешней и внутренней форме, замыслу произведения.

В основе всех работ Бицилли о Пушкине и других поэтах и писателях лежат его культурологические штудии. Пушкин для него и есть культура, но не культура в целом, а воспроизведение конкретной исторической эпохи. Пушкин в своём совершенстве, неповторимости, цельности является «духом эпохи», что и даёт возможность называть культуру его времени – «individuum». Но, конечно, – говорит Бицилли, – не один А.С. Пушкин создал то, что мы сейчас знаем. Помимо «духа эпохи» есть «дух времени». «Известные тенденции, присущие “эпохе”, то есть более или менее значительному числу людей, живущих в определённый момент сознательной жизнью, творчески раскрываются в деятельности каждого из них, выражая собою своё время, они создают его “стиль”, его духовный облик» [3, с. 31]. Предлагая понимать под «индивидуальностью эпохи» особенность мировоззрения, мировосприятия и «форм мышления», учёный выводит цель любого гуманитарного исследования: увидеть живых людей, ведь только так можно понять культуру и её развитие. Присущие ей формы восприятия идей, верований, условий жизни и т. п., рассмотренные в определённом историческом контексте, – единственное, на основе чего можно реконструировать и объяснить историческую реальность. П.М. Бицилли считал, что конечный итог любого исторического анализа – личность, именно через неё можно увидеть своеобразие и культурную инаковость каждой эпохи.

Творческая жизнь Петра Михайловича Бицилли прошла в эмиграции, где он столкнулся с обесцениванием русской истории, культуры и русского языка, что подтолкнуло его развивать идею единства Нации и Литературы. Понимание русской литературы и культуры как неотъемлемой части миросо-

зерцания нации стало одним из оснований сопротивления эмигрантским реалиям, а также подтолкнуло П.М. Бицилли к участию в другой дискуссии – с Ф.А. Степуном о проблеме национального.

Критические отклики на «Мысли о России» первыми публикуют два редактора «Современных записок» – М. Вишняк [13–15] и В. Руднев. Затем в газете «Последние новости» под псевдонимом В.И. Талин публикует заметку «Самобытная окрошка» С.О. Португейс – активный публицист и редактор того времени [16]. По мнению последнего, природа национального, самобытного раскрывается при обращении не к личности, а к народу. Развитие личности порождает смерть самобытности, и главный упрёк Степуну состоял в том, что он увидел самобытность большевизма. Ф.А. Степун ответил Португейсу, что поднятые вопросы о личности, свободе, самобытности, религии разрешить трудно, но возможно, причём только «на логически упрощенной территории философского мышления» [17, с. 365]. Противоречие в размышлениях Португейса заметил не только Степун, но и редакторы «Современных записок», ведь тот размах и глубина, которые присущи Ф.А. Степуну, нуждались в критике последовательной и развёрнутой, а не в коротких газетных заметках. И в качестве неофициального рецензента «Мыслей о России» Вишняк и Руднев пригласили П.М. Бицилли.

Его отношение к творчеству в целом и конкретно к данной статье Степуна было поначалу восхищённое. В письмах 1926 г. к Вишняку он замечал: «некоторые статьи – Ходасевича, Степуна, Гиппиус прямо-таки великолепны» [8, с. 501], «превосходны, глубоки, блестящи “Мысли о России”» [8, с. 503]. Бицилли, с одной стороны, встаёт на сторону автора: «Талин производит впечатление слона в посудном магазине, – и, конечно, Степун со своей точки зрения, пожалуй, и прав, напоминая ему об этом». А с другой стороны, констатирует: «топорная прямолинейность Талина мне лично больше

по душе, нежели философская виртуозность Степуна» [8, с. 504]. Признавая Степуна человеком огромной философской *культуры*, он замечает, что такая культура сама по себе, без философской же дисциплины и в конечном итоге без «религиозного пафоса» ничего не значит. Как раз этого у Степуна нет. Для П.М. Бицilli высшей целью исследования являлась метафизическая честность и прямолинейность. А способность Степуна «всё совместить», «всё вывести», найти всему объяснение, на его взгляд, обесценивала его самые важные положения, среди которых – и проблема «национального».

Бицilli, как и Степун, полагает, что *нация – это культурное образование*. Исторический процесс складывается из создания и разложения империй, различных коллективов, религиозных и хозяйственных коллективов. Но если для этих «соединений» можно найти формальные признаки, то конкретно для нации – это невозможно. То, что принято включать в понятие нации: единство истории, языка, границы, государственный строй, религия, – не могут с необходимостью свидетельствовать о том, что это действительно нация. Нация, с точки зрения Бицilli, – это культурный союз. «Нет культуры – нет и нации» [18, с. 403]. При этом, добавляет он, «нация в старом смысле» – как творящая культуру – уже невозможна. В новом же смысле она сама продукт политики. При таком раскладе всё, что было ценного в национальной жизни, – самобытность и оригинальность, – приобретают черты обобщённости, стандарта и унификации. Борьба за национальное самоопределение привела к тому, что нация стала самоцелью и самоценностью, к тому, что она стала обезличена. А это смерть Нации и, следовательно, смерть культуры.

В данном тексте мы затронули только две актуальные темы, в обсуждение которых внёс свой заметный вклад П.М. Бицilli. Они остаются насущными для нас и сегодня. Продолжая разговор на эти темы, мы должны опираться на интеллектуальный опыт мыслителей русского зарубежья, эк-

зистенциально переживших потерю Родины, языка, культуры, чтобы не оказаться в положении «современного среднего человека», который, по словам Бицilli, «приобщён к общему образованию, которое даёт ему известный запас знаний, считающихся необходимыми, но не развивает его способности мыслить критически» [19]. Только широкое гуманитарное образование поможет нам стать настоящими наследниками своего прошлого и продолжить важный и нужный «разговор» на актуальные темы [20].

Литература

1. Васильева М.А. Путь интуиции // Бицilli П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000.
2. Бирман М.А. П.М. Бицilli (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицilli П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 633–718.
3. Бицilli П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 339 с.
4. Бицilli П.М. Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926. 285 с.
5. Щедрин Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. 391 с.
6. Бицilli П.М. Салимбене: очерки итальянской жизни XIII века. Одесса: Тип. Новороссийского ун-та, 1916. 389 с.
7. Бицilli П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000.
8. Коростелев О., Шруба М. (ред.). «Современные записки» (Париж: 1920–1940): Из архива редакции. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 170–505.
9. Бицilli П.М. [Рец.] Психологическая и психоаналитическая библиотека / Под ред. проф. И.Д. Ермакова. Серия по худож. творчеству. Вып. XIV. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина (Опыт органического понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и «Маленьких трагедий»). Гос. Изд. 1923 г. // Современные записки. 1926. № 28. С. 486–487.

10. Бицilli П.М. [Рец.] Гершензон М.О. Статьи о Пушкине // Современные записки. 1926. № 29. С. 487–489.
11. Бицilli П.М. Завет Пушкина // Современные записки. 1926. № 29. С. 467–473.
12. Бицilli П.М. Образ Совершенства // Современные записки. 1937. № 63. С. 205–219.
13. Вишняк М.В. Национальные вопросы России // Современные записки. 1928. № 35. С. 437–472.
14. Вишняк М.В. Политика и мирозерцание; О «русском социализме» // Современные записки. 1928. № 36. С. 383–427.
15. Вишняк М.В. Оправдание равенства // Современные записки. 1924. № 22. С. 316–335.
16. Талин В.И. Самобытная окрошка // Последние новости. 1928. 3 марта. № 2537. С. 2.
17. Степун Ф.А. Мысли о России: Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // Современные записки. 1928. № 35. С. 364–402.
18. Бицilli П.М. Нация и язык // Современные записки. 1929. № 40. С. 403–426.
19. Бицilli П.М. Основни насоки в исторического развитие на Европа. От началото на християнската ера до наше време. София, 1940. URL: <http://savedarchives.net/ru>
20. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Русская философия как культурно-исторический феномен: проблема целостности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 17–24.

Статья поступила в редакцию 02.01.18

Принята к публикации 23.01.18

PYOTR BITSILLI IN THE PHILOSOPHICAL “CONVERSATION” OF RUSSIA ABROAD

Darya V. RATUSHINA. – Postgraduate student, the Department of philosophy of the Institute for Social Studies and Humanities, e-mail: ratynchik@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Address: 88, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract. The key theme of the paper is the heritage and ideas of Pyotr Mikhailovich Bitsilli (1879–1953) – historian, philosopher, literary critic. His style of thinking, special historical method of penetrating into investigated reality have not lost their relevance until today. Bitsilli was an active participant of philosophical “conversation”. It was a literary dispute on the nature of “national” and the destiny of Russian culture between Russian emigration thinkers. The paper is an attempt to make a reconstruction of this “conversation” from the position of an existential choice. Special attention is paid to the periodicals of the Russian émigré as a space for intellectual communication, as a means of retention of cultural heritage. Pyotr Bitsilli was a gifted polemicist, he had a talent to penetrate into the depths of subjects and author’s conception. The paper dwells on Bitsilli’s reviews in the journal “Sovremennye zapiski” (Contemporary Notes).

Keywords: Russia Abroad, Russian emigration culture, P.M. Bitsilli, philosophical polemics, “conversation”, reviews, journal *Sovremennye zapiski* (Contemporary Notes)

Cite as: Ratushina, D.V. (2018). [Pyotr Bitsilli in the Philosophical “Conversation” of Russia Abroad]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 2 (220), pp. 130–137 (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Vasil’eva, M.A. (2000). [The Way of Intuition]. In: *Bitsilli P.M. Tragediya russkoy kul’tury: Issledovaniya, stat’i, retsenzii*. [Bitsilli, P.M. The Tragedy of Russian Culture: Investigations, Articles, Reviews. M.A. Vasil’yeva (ed., introduction, commentaries)]. Moscow: Russkiy put’ Publ., pp. 3–26. (In Russ.)

2. Birman, M.A. (2006). [P. Bitsilli (1879–1953). Touches to the Portrait of a Scientist]. In: Bitsilli P.M. *Izbrannyye raboty po srednevekovoy istorii: Rossiya i Zapad*. [Selected Works on Medieval History: Russia and the West]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 633–718. (In Russ.)
3. Bitsilli, P.M. (1925). *Ocherki po teorii istoricheskoy nauki*. [Essays on the Theory of Historical Science]. Prague: Plamya Publ. 339 p. (In Russ.)
4. Bitsilli, P.M. (1926). *Etyudy po russkoy poezii*. [Studies on Russian Poetry]. Prague: Plamya Publ. 285 p. (In Russ.)
5. Shchedrina, T.G. (2008) *Arkhiv epokhi: tematicheskoe edinstvo russkoi filosofii* [The Archive of an Epoch: Thematic Unity of Russian Philosophy]. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ. (In Russ.)
6. Bitsilli, P.M. (1916). *Salimbene: ocherki ital'yanskoy zhizni XIII veka* [Salimbene: Essays on XIIIth Century Italian Life]. Odessa: Novorossiyskiy universitet Publ., 1916. 389 p. (In Russ.)
7. Bitsilli, P.M. (2000). *Tragediya russkoy kul'tury: Issledovaniya, stat'i, retsenzii*. [The Tragedy of Russian Culture: Investigations, Articles, Reviews]. M. Vasil'yeva (ed., introduction, commentaries). Moscow: Russkiy put' Publ. 608 p. (In Russ.)
8. Korostelev, O., Shruba M. (Eds.) (2012). *Sovremennye zapiski (Parizh, 1920–1940)* [Contemporary Notes (Paris, 1920–1940)]. Editors' Archive: Vol. 2. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 170–505. (In Russ.)
9. Bitsilli, P.M., Ermakov I.D. (Ed.) (1926). [Psychological and Psychoanalytical Library]. Vol. 14. Studies on Pushkin's Psychology of Creativity. Moscow: Gosizdat Publ., 1923]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 28, pp. 486–487. (In Russ.)
10. Bitsilli, P.M. (1926). [Gershenzon M.O. Articles on Pushkin]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 29, pp. 487–489. (In Russ.)
11. Bitsilli, P.M. (1926). [Pushkin's Testament]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 29, pp. 467–473. (In Russ.)
12. Bitsilli, P.M. (1937). [An Image of Perfection]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 63, pp. 205–219. (In Russ.)
13. Vishnyak, M.V. (1928). [Russian National Questions]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 35, pp. 437–472. (In Russ.)
14. Vishnyak, M.V. (1928). [Politics and World View; On “Russian Socialism”]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 36, pp. 383–427. (In Russ.)
15. Vishnyak, M.V. (1924). [Justification of Equality]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 22, pp. 316–335. (In Russ.)
16. Talin, V.I. (1928). [Original Okroshka]. *Posledniye novosti* [Latest News]. 3 March. No. 2537, pp. 2. (In Russ.)
17. Stepun, F.A. (1928). [Thoughts on Russia: Democracy and Idiocracy; Bourgeois and Socialistic Consciousness Structure; Marxist Ideology as a Degeneration of Socialistic Idea; Socialism's Religious Theme and Russia's National-religious Being]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 25, pp. 364–402. (In Russ.)
18. Bitsilli, P.M. (1929). [The Nation and the Language]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Notes]. No. 40, pp. 403–426. (In Russ.)
19. Bitsilli, P.M. (1940). [Main Directions in the Historical Development of Europe. From the Beginning of the Christian Era until the Present]. Sofia. URL: <http://savedarchives.net/ru> (In Russ.)
20. Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. (2015). [Russian Philosophy as a Culture-Historical Phenomenon: The Problem of Integrity]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [The Herald of Vyatka State University for the Humanities]. No. 2, pp. 17–24. (In Russ.)

Acknowledgement. The research was made with the financial support from RFBR, project № 15-33-01039 “Existential choice as a basis of historicism (research experiences on cultural historical epistemology)”.

*The paper was submitted 02.01.18
Accepted for publication 23.01.18*